

З

има была маломорозная и слякотная. Снег выпадал и тут же таял, рождая из родниково-чистой воды в ладонях открывшегося чернозема темные лужи. Листопад давно закончился, и голые ветки зябли на ветру.

Вдруг откуда-то сверху на стылую, черную воду, кружась, опустились несколько желтых листочков. Они не были похожи на своих почерневших и втоптаных в грязь собратьев. Каким-то особенным желтым, не зимним светом листья на глазах изменили унылый пейзаж.

Невольно пришло на ум: «Желтые листья на черной воде, будто отметки на нашей судьбе...»

Я вспомнила эту картину, когда читала новую книгу Петра Чалого «Зимний листопад» — взволнованное повествование о жизни и творчестве двух замечательных поэтов XX века, наших земляков — Алексея Прасолова и классика украинской литературы, тоже уроженца нашей родной земли Евгена Плужника. Их родина — юг Воронежской области, донская степь, грань нынешней России и Украины. В старинной железнодорожной слободе Кантемировка прошли детские и юношеские годы Евгена (Евгения) Павловича (1898–1936). Рядом, в селе Ивановка, его уже нет, родился Алексей Тимофеевич (1930–1972).

Если Прасолов — довольно известной лирик-философ в современной русской литературе, то о Плужнике, можно сказать, я недавно услышала впервые. Впрочем, сам автор тоже не скрывает, что его «знакомство» с украинским лириком-философом тоже началось со случайного разговора в 1980-е годы в правлении колхоза. Парторг Плужников вернулся с Донбасса, где видел выпущенную в Киеве книгу стихов своего однофамильца. «А ведь родом поэт из нашей Кантемировки, но у нас его никто не знает. Хотя там его называют классиком современной украинской литературы». Собеседник, скорее всего, рассказывал об этом многим. Но тут случилось как в знаменитой истории с физиком Ньютоном: упало яблоко — родился закон всемирного тяготения. Хотя на кого только эти «яблоки» раньше ни падали, но кроме шишек на лбу ничего не оставляли. Автор же не оставил сообщение без внимания, как истый краевед принял рассказ парторга, что называется, к исполнению. Добыл книгу Плужника, съездил в Киев, связался с писателями, окунулся в архивные документы. Так собирались и складывались подробности о жизни поэта — от публикаций первых стихов до протоколов допроса без вины виноватого, до его последних дней в стылых казематах на Соловках. Здесь надо сказать спасибо и дочери автора Татьяне Петровне, побывавшей в паломнической

поездке на затерянных в Белом море островах, посетившей и там плужниковские места.

Все это дало возможность Петру Дмитриевичу сначала составить и выпустить удивительную книгу «Родюча земля» — наиболее полное собрание поэтических и прозаических произведений Плужника. И очень прекрасно, что в сборнике рядом со стихами-оригиналами на украинском языке помещены переводы-переложения их на русский язык разных авторов.

В «Зимнем листопаде», рассказывая о жизни и творчестве Плужника, автор расширяет наши знания об украинских литераторах из окружения поэта, о современных деятелях культуры. И тут становится понятнее, а от этой ясности страшнее, очередное явление «границы по сердцу» между славянами, между народами-братьями. То, что не случилось в тридцатые годы двадцатого столетия, произошло и происходит в наше время, в XXI веке. Украина в огне, кровью омыта в который раз. Не могу не удержаться, чтобы не процитировать небольшое стихотворение Плужника о гражданской войне на рубеже 1920-х годов на украинском языке и в переводе Юрия Кузнецова.

Сідало сонце. Коливалися трави.
Перерахував кулі, — якраз для всіх!
А хто з них винний, а хто з них правий! —
З-під однакових стріх.

Не схибить куля — не стогнатимуть довго.
Подивилися, — поле! Ромен з трави...
Передній, мабуть, ходив, — так човгав:
Черевики скривив.

Сховалось сонце. Сутеніло помалу.
Час би й рости!
А хтось далеко десь генералу:
— Усі.

* * *

Садилось солнце. Качались травы.
Пересчитал патроны — как раз на всех!
А кто виновный, а кто из них правый —
Из-под единых стрех.
Не будет боли, как пуля жажнет.
Не минет пуля — торчат цветки!
Передний, видно, ходил так, шаркал —
Скривил башмаки.
Скатилося солнце. Свежело помалу.
Пора б и росе.
А кто-то где-то во тьме генералу:
— Все.

Маложе талант Плужника: в нескольких стрихах вживую передать сцену жестокого расстрела своих — братьями же, единокровными. Патронов хватает на всех, выросших в схожих хатах. О погибшем: ходил, шаркая, скривил каблук. Упало солнце...

Соглашаюсь с автором книги: эти и другие стихи — слова горькой правды и трагического драматизма. Как сама жизнь поэта и его современников. Сегодня же и наша жизнь...

Автору удалось всего одним абзацем показать преемственность творчества земляков Плужника и Прасолова.

«На светлом белом Севере в монашьей келье — настылом лазаретном каземате — угасала в человеке жизнь. А на его родине, от слободы Кантемировка рукой подать к малому селцу Ивановке, уже бежал в степной простор сквозь колючие терны мальчишечка. Звали его Алеша Прасолов. Бежал босиком по земле. Напрямик и напролом. Бежал, не ведал, что упала небесная звезда, опалив его своим неугасимым лучом. То старший брат незримо выводил парнишку на тяжкую торную тропу. Такой во все времена на Руси выпадала дорога поэту».

Понимаешь, почему два поэта-земляка оказались под одной обложкой в одной книге. Их объединяла не только географически милая малая родина, их объединяло умение отразить с сердечной болью наш яростный и прекрасный мир, поэтическое провидение славянского человеколюбия, свойственное всем настоящим талантам. Наконец, в их лирике документально и художественно запечатлена история Отечества, знание которой помогает нам выстоять сегодня в пору небывалых информационных войн.

О Прасолове написано уже немало мемуаров и литературоведческих работ. Изданы его исповедальные письма. В «Зимнем листопаде» новое: читатель видит поэта глазами земляков и доброй душой лично знавшего его автора. Ближе, понятнее становятся строки: «Земля моя, / Я весь — отсюда»...

Как жаль, что Плужник и Прасолов прожили мало, ушли в расцвете творческих сил. Но нам остались мудрые, наполненные глубоким смыслом их стихи. Я вновь обращаюсь к творческому наследию Плужника, еще мало известному у нас.

При переложении поэтического слова с языка на язык — даже кровно родственный — утраты неминуемы не только в «складности». А здесь, напротив, основательнее вчитываясь в книгу, становишься его поклонником.

Эй, отец мой, простор степной,
Слово молвлю еще с тобою...
Дни молодые не стороной
Пошли за водою...

Ой вы, звезды, яркие, близки!
Мне до ваших чар дела мало...
Темный чуб мой, мои виски
Бела вьюга зацеловала.

Ой вы, ночи, ваш черен свет!
Мне не видно, куда иду...
Я один, еще с детских лет,
И таким же я пропаду.

Где ж вы, братья? Мою слезу
Кто утрет, кто меня приветит?

И стою, словно дуб в грозу
Только тучи вокруг да ветер...

(Перевод Александра Нестругина).

И будто пророческое предсказание собственной судьбы.

...И вот лягу — родючий пережной, —
На окровавленную пажить, в дым...
— Благословен еси, час ты мой!
Научи меня заповедям своим!
Красуйтесь новые жита у нас!

...А в каждом колосе — мука моя...
О, воистину пахаря час!
Славлю имя его, не тая.

Благословен еси, час мой!
О жестокий! И весь в крови!
— Это ничего, что я пережной —
Под посевы новые твои!

— Ведь вот верно: возрасту когда-нибудь, —
Ветром попрошу: — Жни! Не ставь себе в вину.
...Сердце, сердце мое! Глухим не будь!
Постигни тишину...

